

*Словарь В.И. Даля
в редакции И.А. Бодуэна де Куртенэ*

*А.М. МОЛДОВАН,
доктор филологических наук*

Когда на рубеже 19-го и 20-го столетий издательство М.О. Вольфа задумало осуществить третье издание “Толкового словаря живого великорусского языка” В.И. Даля (первое издание вышло в свет в 1863–1866 гг.; подготовку второго, исправленного и дополненного издания В.И. Даль не успел завершить, оно было опубликовано посмертно в 1880–1882 гг.), оно исходило из того, что этот словарь представляет собой “всю наличность слов и оборотов родной речи, со всеми местными особенностями и оттенками” и, следовательно, новое издание необходимо обществу как пособие по актуальному словоупотреблению. Эту точку зрения разделяли в то время известные ученые, несмотря на то, что словарь был далек от академических требований. Была ли у издательства и редакторов возможность радикально переделать словарь В.И. Даля или составить на его основе какой-то другой, может быть, более корректный в научном отношении? Для ответа на этот вопрос нужно представлять себе, чем был словарь Даля тогда, в конце XIX века.

В своем известном “Напутном слове” В.И. Даль писал, что целью своего труда он поставил “выработать из народного языка язык образованный”. Он впервые в русской лексикографии соединил в словаре книжную лексику (взятую из академических словарей) со словами живой народной речи. “Толковый словарь живого великорусского языка” получился огромным по объему (свыше двухсот тысяч слов). И все-таки, несмотря на такой беспрецедентный даже для нашего времени объем, это не был в строгом смысле слова тезаурус, то есть словарь, представляющий язык во всей полноте его литературной и областной лексики. Даль и не ставил перед собой такой цели: из академического “Словаря церковнославянского и русского языка” (1847 г., около 115 тыс. слов)

он не включил в свой словарь около 15 тысяч, отказавшись от многих церковно-книжных и устаревших слов. Из разговорной речи в словарь не вошли формы, “умнича́нием искаженные и столь удачно прозванные галантерейными” – типа *патрет*, *киятер*, *полухмахер* и т.п. Не помещена обценная, т.е. непристойная, лексика. Не представлена ономастика. По словам Даля, он хотел дать “полное собрание слов *очищенного* обиходного русского языка”. В то же время он стремился от каждой основы выстроить полные словообразовательные цепочки и включал в словарь производные слова, теоретически возможные, но реально в языке не употреблявшиеся или употреблявшиеся редко (*вдовничать*, *вдовствование*, *вдовишник*, *вдовишина* и др.).

Иностранные слова приведены Далем в качестве “временных жильцов” в языке. Для их замены словарь предлагает списки слов, в том числе неологизмов, созданных самим Далем: консерватор – *боронитель*, *сохранитель*, *охранитель*, *охранник*; эгоист – *себялюб*, *самотник*, *себятник* и т.п. Для удобства борьбы с заимствованиями и формирования аналогичных русских терминов иностранные слова с одинаковым формантом составлялись вместе, даже если были разными. Так, в статье АРХЕОГРАФИЯ объединены слова *археология*, *архив* и *архиварий*; в статье библия – слова *библиотека*, *библиомания*, *библиография* и производные. Далю, очевидно, казалось, что если разместить в одной статье иноязычные слова, этимологически родственные в языках-источниках, и предложить для каждого из них русские эквиваленты, это будет способствовать разработке средствами русского языка соответствующего семантического поля – чтобы можно было заменять иностранные слова русскими не поодиночке, а целыми блоками.

Менее всего можно считать словарь В.И. Даля нормативным: в него включена разнообразная просторечная, диалектная, жаргонная и др. лексика, а у слов литературного языка, взятых из академического словаря, сняты стилистические пометы, чтобы они не создавали препятствий для синтеза книжных и простонародных слов.

Но, вопреки расхожему мнению, это и не диалектный словарь, хотя он до сих пор является ценным источником по русской диалектной лексике. Известное высказывание В.И. Ленина о том, что “Толковый словарь живого великорусского языка” – это областнический словарь, говорит о поверхностном знании предмета и вводит в заблуждение. На самом деле диалектная лексика занимает всего лишь одну треть словаря Даля. Большую часть его составляет общенародная лексика – литературные слова, городское просторечие, профессиональные термины, социальные жаргоны и т.д.

При этом описание собственно диалектной лексики у Даля не удовлетворяет ряду требований, предъявляемых к словарю народных говоров, прежде всего двум основным: во-первых, у Даля представлена лишь сравнительно небольшая часть употреблявшихся и бытующих

теперь на обширной территории русского языка областных слов; во-вторых, отсутствует или является крайне неполной документация сведений о слове (где и когда оно записано, варианты форм, грамматические сведения, особенности употребления и т.п.), пометы типа *иск.*, *смл.*, *тмб.* встречаются лишь от случая к случаю. На необходимость этих сведений Далю указали составители “Опыта областного великорусского словаря”, когда он предложил им свое сотрудничество. В связи с этим Даль писал, что если бы он документировал свои записи по всем правилам, он никогда бы не написал свой словарь. Собственно диалектным и был готовившийся параллельно и вышедший раньше “Опыт областного великорусского словаря” (1852 г.) и большое “Дополнение” к нему (1858 г.). Его авторы регистрировали диалектизмы в качестве материала для изучения территориальных диалектных систем и истории русского языка.

В.И. Даля эта научная сторона дела не увлекала, диалектная лексика была для него материалом “для развития образованной, разумной русской речи, взамен нынешнего языка нашего, каженика”. Даль считал, что народный язык “силен, свеж, богат, краток и ясен”, тогда как письменный язык “видимо пошлеет, превращаясь в какую-то пресную размазню”. Правда, он не настаивал на том, чтобы все областные слова вошли в книжную речь, но все же, как он полагал, “мы должны изучить простую и прямую русскую речь народа и усвоить ее себе, как все живое усвоит себе добрую пищу и претворяет ее в свою кровь и плоть”.

Уникальность словаря В.И. Даля обнаруживается в том, что он соединил в себе свойства различных типов словарей, подчинив их этой литературной сверхзадаче. В частности, информативности словарных статей составитель придавал большее значение, нежели единообразие их структуры. В результате авторские рассуждения и разнообразная информация – технические детали, энциклопедические и житейские подробности, составившие местами целые этнографические этюды, – всего этого оказалось так много и это так интересно, что являет собой самостоятельное достоинство словаря. Например, при слове *масть* приводятся и объясняются до пятидесяти названий конских мастей, при слове *гриб* – десятки видов грибов, при слове *брюква* – двадцать два местных названия этого корнеплода и т.д. Некоторые статьи написаны полностью в энциклопедическом жанре – они пространны, содержат классификацию предметов или понятий, в них указываются смежные понятия и т.п. (например, *безпоповщина*). В статье «БАГАТЬЕ... “огонь”» есть такая простодушная, типичная для Даля ремарка: “Пишу *багатье* а не *богатые*, потому что сомневаюсь, от одного ли корня слово это с *богатством*”. Заметим, что сомнение здесь вполне уместно: и по сей день это слово не имеет общепринятой этимологии. То, что было бы недопустимо в академическом издании, привело к созданию со-

кровищницы, дающей материал для многообразных продолжений. В словаре приводятся свыше тридцати тысяч пословиц и поговорок, крылатых слов и выражений.

Диалектная лексика до В.И. Даля собиралась весьма неудовлетворительно и невысок был уровень ее историко-этнографической и грамматической изученности. Словарь Даля дал сильный импульс для составления диалектных словарей и стал пособием для дальнейших записей.

Бодуэн де Куртенэ не разделял взглядов Даля на критическое состояние русского языка и не считал необходимым и возможным реформировать его тем способом, который предлагал Даль и для которого он создал свой словарь.

Почему же он не пожалел времени и трудился над чужим словарем более семи лет, не имея возможности изменить его содержание, и почему он не попытался полностью переделать его, как он говаривал, “по всем правилам лексикографического искусства”?

По признанию самого Бодуэна, он сделал это из уважения к труду Даля, понимая свою задачу прежде всего в усовершенствовании внешней отделки словаря, исправлении ошибок и включении слов, “почему-либо пропущенных Далем, а также тех новых слов, которыми обогатился живой русский язык за последние годы. Но Даль должен был остаться Далем – и он им остался”.

Переработка и дополнение текста словаря было осуществлено по инициативе издательства, опиравшегося на мнение известных ученых – академиков А.И. Соболевского, А.Н. Пыпина, профессоров Е.Ф. Будде, С.К. Булича, В.Ф. Миллера, Н.П. Дашкевича, А.С. Будиловича и др. Обращение издательства к Бодуэну де Куртенэ не было случайностью. Бодуэн был не только академическим ученым, но и опытным лексикографом, автором и руководителем работы над “Старопольским словарем”, редактором многотомного Варшавского словаря польского языка и других. Помощником Бодуэна в работе над “Словарем живого великорусского языка” был Р.А. Теттенборн.

Подготовка издания осуществлялась по следующим направлениям. Родственные и псевдородственные слова, описанные Далем без учета их алфавитной последовательности, по словарным “гнездам”, получили отсылочные пометы в соответствии с их алфавитным местом. В ряде случаев, когда у Даля в одной статье обнаруживались слова, не связанные в русском языке словообразовательными отношениями, Бодуэн разносил их в отдельные статьи. Например, в статье АКТ были слова *актер* и *акция*; слово *бандаж* находилось в статье БАНДА; в статье БЕЗЛАПОТНЫЙ помещалось также слово *безлапый* и т.д. В 3-м издании эти слова разведены.

В других случаях, где семантическая связь между словами в какой-то мере сохранялась, Бодуэн оставлял их в одной статье: например, в ста-

тьс АРМИЯ им оставлены не только *армейские*, *армеец*, *армейщина* и т.п., но и *армада*, *армадил* “млекопитающее броненосец”, *арматор*, *арматура* и производные. Надо сказать, что таких слов, которые следовало бы разнести в самостоятельные статьи, Бодуэном оставлено немало. В частности, в статье АРХЕОГРАФИЯ сохранены слова *археология* (которая так и не получила самостоятельного статуса, хотя в определении сказано, что археография – часть археологии), а также *архив* и *архивный*. В статье АСТРОГНОЗИЯ “знание созвездий” – слова *астрология*, *астрометр*, *астролябия*, *астрономия* и производные от них. В статье АУДИТОР – слова *аудитория* и *аудиенция*. В статье БИБЛИЯ – слова *библиотека*, *библиомания*, *библиография* и производные.

В ходе редактирования словаря Бодуэном де Куртенэ были выявлены и разнесены в разные статьи сотни омонимов, например: *весёлка*¹ от *веселие* и *весёлка*² – от *весло*. Но Бодуэн не был этимологом, и поэтому не все его исправления оказались в равной степени удачными. Например, слово *варега* разделено им на омонимы: *варега*¹ “рукавица”, *варега*² “вялый, пустой, беспутный” и *варега*³ “то же, что *варга* (т.е. “рот, уста, зев, пасть”)”. На самом деле *варега*¹ и *варега*², вероятнее всего, связаны с одним общим словом *варяг* (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. С. 274), а в тождестве слов *варега*³ и *варга* сомневался и сам Даль.

С другой стороны, Бодуэн нередко оставляет без исправления омонимы и омоформы, которые Даль, считая родственными словами, объединял в одной статье. Например, в статье ВАРГА “рот, уста, зев, пасть” оставлено в качестве производного слово *варган* “примитивный музыкальный инструмент”, которое на самом деле через польское посредство восходит к лат. *organum*, и слово *варганить*, которое восходит к народн. *варганка*, искаженному *вагранка* (под влиянием *варган*) от австрийского топонима *wagrain*.

Начиная с буквы *Н* редакторы более радикально вводили алфавитный порядок, помещая однокоренные слова в отдельные статьи, хотя не отказались совсем от гнездового расположения производных. Например, слово *сожитель* выделено из статьи *сживать* вместе с родственными словами *сожительство*, *сожить*, *соживать*, *сожитие*.

Наиболее слабым местом в словаре Даля считается этимологическое объяснение слов. Здесь проявились и его незнание других славянских языков и недостаточность лингвистического образования. Верными этимологиями словарь, в основном, обязан “Этимологическому лексикону русского языка” Ф.И. Рейфа, который В.И. Даль использовал; самому же Далю чаще принадлежат рассуждения, основанные на простом фонетическом сходстве слов, например: “ВОТРУХА, *вотрушка* по восточ. произн., см. *ватрушка*; но, кажется, *вотруха* сродно с *вотря*, в значении начинки; тогда *вотруха* правильнее. *Вотря*, *нутро* и *утро*”

ба, не общего ли корня?”. Все эти предположения Бодуэном де Куртенэ оставлены как неотъемлемая часть авторского текста Даля.

В тех случаях, когда у Даля были даны просто указания на источник заимствования слова (напр. “нем.”), Бодуэн приводит соответствующие иностранные слова: ДРАТВА [польск. *dratwaś*] нем. [*Draht*]. Но Бодуэн не добавлял этимологических сведений, если их у Даля вообще не было (см. например, слова *вата*, *керакса*, *кератит* и др.).

Помимо исправлений в словаре были сделаны дополнения в виде новых словарных статей, расширения информации, уточнений, отсылок и т.п. Чтобы эти дополнения не смешивались с текстом Даля, они приведены в квадратных скобках. Бодуэн дополнял его, с одной стороны, диалектными словами (по своим записям и новым изданиям словарей) и научными терминами иноязычного происхождения, в частности, из зоологии и биологии. С другой стороны – сведениями об изменениях в значениях слов, происшедших в языке за истекшие годы. Была включена в словари “неприличная” лексика. Приведенные в предисловии к 3-му изданию подсчеты редакторов показывают, что разнообразные дополнения составили более 20 процентов всего объема словаря. При этом словник увеличился примерно на 20 тысяч новых слов и составил не менее 220 тысяч слов. Бодуэн де Куртенэ много путешествовал и собирал диалектные материалы. Это позволило ему во многих случаях дополнить приведенные у Даля указания на область распространения слова. Так, у Даля к слову *веньгуша* “плаксивый человек” даются пометы *вят.*, *перм.*, а Бодуэн добавляет: *вологод.*, *сиб.*; к слову *весельство* “радость, удовольствие” у Даля помета *арх.*, Бодуэн прибавляет еще две пометы *каз.* и *вят.* и т.д.

То, что Бодуэн де Куртенэ не ограничился только исправлением внешней стороны словаря – поправками и алфавитным упорядочением словника – а стал его дополнять, говорит об очень важном: в конце XIX века словарь все еще воспринимался как отражающий реальное состояние живого русского языка. И тогда понятно, почему Бодуэн взялся за эту работу. Его, так же, как и Даля, интересовал прежде всего живой язык, с его устройством, социальной дифференциацией и происходящими в нем процессами, территориальными диалектами и социолектами. Достаточно упомянуть, что в 1908 г. под редакцией Бодуэна де Куртенэ и с его предисловием вышел словарь В.Ф. Трахтенберга «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)». Подобно Далю, Бодуэн понимал, что литературная речь питается народными корнями, и для правильного понимания состояния языка эти ресурсы должны быть доступны в словаре.

Поскольку Бодуэн де Куртенэ считал словарь Даля отражающим современное состояние русского языка, ему казалось естественным показать в нем изменения в значениях некоторых слов, отмечая специальным знаком вышедшие из употребления слова. Впервые в русской ле-

ксикографической практике в этом издании учитывался социолингвистический аспект, и в словарь включались фразы из выступлений представителей различных политических партий и направлений, не исключая “обрусителей”, “антисемитов”, “официальных патриотов”, так называемых “черносотенцев” и др. Бодуэн де Куртенэ писал в предисловии к словарю о том, что “весьма почтенные и заслуживающие глубокого уважения” слова “патриот” и “патриотизм” «взяты в исключительную аренду известными “партиями” и группами и получили вследствие этого... разбойничий, погромный и карательный оттенок». По мнению Бодуэна, оставлять подобные выработанные жизнью оттенки не отмеченными, когда представляется возможность их зафиксировать, было бы упущением в словаре русского языка. Это же относится к слову “партия”, которым уже в то время могла называться “какая-нибудь небольшая, но сильная поддержкою сверху кучка интриганов, затеявшая заговор против народа”. Предвидя, какое негодование у представителей правых сил вызовут эти дополнения, Бодуэн де Куртенэ объяснял: “Если воззрения хотя бы только известной части народа жестоки и нелепы, они таковыми же должны быть зарегистрированы лексикографом”.

С другой стороны, в 3-е издание были включены дополнения из вышедших в 1895-м и 1907 годах томов “Словаря русского языка, составленного Вторым отделением Академии наук” под редакцией Я.К. Грота и А.А. Шахматова (до буквы З). В основном, это были книжные слова и слова с новыми переносными значениями, отсутствовавшие у Даля. Так, в третьем издании появляются слово *виадук*, новые значения у слов *винегрет* “ирон. вообще смесь разнородных предметов”, *вокзал* м. “железнодорожный путевой двор, дебаркадер, строение, где собираются пассажиры для отъезда” и т.д. Воспринимая словарь Даля как собрание всех слов русского языка, а не нормативное пособие, Бодуэн не видел оснований для исключения из него и ненормативной и даже матерной лексики: “Раз известные слова существуют в умах громадного большинства народа и беспрестанно вываливаются наружу, лексикограф обязан занести их в словарь, хотя бы против этого восставали и притворно негодовали все лицемеры и тартюфы, являющиеся обыкновенно большими любителями сальностей по секрету”.

Рассматривая словарь Даля как лексикографическое пособие для носителей русского языка, Бодуэн де Куртенэ считал необходимым преобразовать орфографию словаря. Он ввел в новое издание букву *ѣ*, в частности, для того, чтобы обозначить на письме мягкость согласного перед *о*: *берѣза*, *берѣста* и т.п. После шипящих он последовательно пишет *о* независимо от их твердости или мягкости, так что, например, у Даля: ЖЕНА... *женка*, а у Бодуэна исправлено: *жонка*. Аналогично: *щотка*, *чорный* и др. Были восстановлены написания с двумя согласными в словах *русский*, *аббат*, *корректур*, *кассир* и др. В некоторых

прилагательных ед. ч. окончание род. п. *-аго* заменено на *-ого*: *живого, простого, но нового, данного, настоящего, исправленного и дополненного, напряженного*. В названии словаря было "... *живаго великорускаго...*", а стало "... *живого великорускаго...*".

Благодаря Бодуэну де Куртенэ словарь Даля, ценный своим уникальным содержанием, приобрел черты научного пособия. По словам академика В.В. Виноградова, «можно и даже должно не соглашаться с некоторыми лексикографическими и вообще лингвистическими взглядами проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ, но нельзя не признать высокой ценности его труда по редактированию, исправлению и пополнению "Толкового словаря" Даля».

Третье издание вышло в 1903–1909 гг. и в дальнейшем трижды переиздавалось репринтным способом в 1911–1912 гг., 1934 г. (в Японии) и в 1994 году.

Вышел в свет первый номер международного **научно-теоретического журнала "Русский язык в научном освещении"**, основанного в январе 2001 г. Институтом русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук. Журнал посвящен актуальным проблемам русского языка во всей совокупности его форм существования, функционированию, происхождению, истории, взаимодействию с другими языками и современному состоянию. В журнале рассматриваются также вопросы стилистики и поэтики, языка и культуры, лингвистического источниковедения, текстологии, палеографии и т.п. Значительное место занимают обзоры новой научной литературы, рецензии, информационно-хроникальные материалы, а также публикации ранее не издававшихся письменных источников, диалектных записей, архивных документов.

В первом номере журнала опубликованы исследования *Ю.Д. Апресяна, И.М. Богуславского, М.Л. Гаспарова и Т.В. Скулачевой, Д.О. Добровольского, Е.А. Земской, Г.А. Золотовой, Л.Л. Касаткина, Л.П. Крысина, Е.В. Падучевой, А. Тимберлейка, Е.Н. Ширяева* и других видных отечественных и зарубежных русистов.

Журнал выходит два раза в год в издательстве "Языки славянской культуры". По вопросам подписки и приобретения журнала обращаться в редакцию по адресу: 121019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, редакция журнала "Русский язык в научном освещении". Тел.: (095) 201-79-92, факс: (095) 291-23-17, e-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru.